

УДК 1:3

Русаков Василий Матвеевич
Русакова Ольга Фредовна

Проблема и категории рационального и иррационального в классическом марксизме

Современность разнообразно актуализирует фундаментальную философскую проблему сущности и взаимосвязи рационального и иррационального – в политике, экономике, праве, воспитании и т.п. В то же время обнаруживается значительное изменение в понимании сущности и взаимосвязи этих категорий в классическом марксизме в сравнении с идеологией Просвещения, как известно, проникнутой культом разума. Изучение трудов К. Маркса и Ф. Энгельса показывает их стремление радикально переосмыслить суть проблемы соотношения рационального и иррационального, преодолеть рационалистическую и иррационалистическую мистификации ее. Однако изучение проблемы соотношения данных категорий в марксистской и немарксистской философии показывает, что потенциал диалектико-материалистического переформулирования данной проблемы не был реализован в полной мере, вследствие чего продолжают хождение непреодоленные рационалистические и иррационалистические предрассудки. С точки зрения методологии марксизма это вполне объяснимо социальными (и гносеологическими) причинами.

Ключевые слова: рациональное, иррациональное, взаимосвязь рационального и иррационального, классический марксизм

Русаков Василий Матвеевич,
Уральский государственный
экономический университет,
доктор философских наук,
профессор, Екатеринбург,
Россия. E-mail: dipi@nm.ru

Русакова Ольга Фредовна,
Институт философии и пра-
ва УрО РАН, доктор политиче-
ских наук, профессор, Ека-
теринбург, Россия, E-mail:
rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasilii Matveevich
Rusakova Olga Fredovna

The problem and the categories of rational and irrational in classical marxism

Modernity actualizes diverse fundamental philosophical the problem of the nature and relationship of the rational and the irrational in politics, Economics, law, education, etc. At the same time revealed a significant change in the understanding of the nature and interrelation of those categories in classical Marxism in comparison with the ideology of the Enlightenment, as we know, is permeated by the cult of reason. The study of the works of Marx and Engels shows their desire to radically rethink the problem of a ratio rational and irrational, to overcome the rationalistic and the irrationalistic mystification of it. However, the study of the relation between these categories in the Marxist and non-Marxist philosophy shows that the potential of the dialectical materialist reformulation of the problem has not been fully implemented, resulting in continued circulation not overcome the rational and irrational prejudice. From the point of view of methodology of Marxism, this is understandable social (and epistemological) reasons.

Keywords: the rational, the irrational, the relationship of rational and irrational, classical Marxism

Rusakov Vasilii Matveevich,
Ural State University of Economic,
Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Yekaterinburg,
Russia. E-mail: dipi@nm.ru

Rusakova Olga Fredovna, Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of RAS, Doctor of Political Sciences,
Professor, Yekaterinburg, Russia. E-mail:
rusakova_mail@mail.ru

Rusakov V.M., Rusakova O.F.

Problema y categoría de lo racional y lo irracional en el marxismo clásico

La contemporaneidad nos obliga a actualizar el problema filosófico de la esencia y la interacción entre lo racional y lo irracional en la política, la economía, el derecho y la educación. Al mismo tiempo, se observan los cambios significativos en la comprensión y la interrelación de estas categorías en el marxismo clásico en comparación con la ideología iluminista que, como se sabe, está dominada por el culto de la razón. El estudio de la obra de Marx y Engels muestra su aspiración a reinterpretar radicalmente el quid del problema de la correlación entre lo racional y lo irracional y superar su mistificación racionalista o irracionalista. Sin embargo, el estudio del problema de la relación de dichas categorías en la filosofía marxista y no marxistas muestra que el potencial dialéctico -materialista de la reformulación de dicho problema no fue realizado en la plena medida, y como consecuencia continúan existiendo los prejuicios racionalistas e irracionalistas. Desde la visión de la metodología marxista esto se puede explicar por causas sociales y gnoseológicas.

Palabras-clave: lo racional, lo irracional, interacción entre lo racional y lo irracional, marxismo clásico

Rusakov Vasilii Matveevich es Doctor en Ciencias Filosóficas de la Universidad Estatal Económica, Ekaterinburg, Rusia
E-mail: dipi@nm.ru

Rusakova Olga Fredovna es Doctora en Ciencias Filosóficas del Instituto de Filosofía y Derecho de La Academia de Ciencias Rusa, Sección de los Montes Urales, Ekaterinburg Rusia E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Современность вновь и вновь различными способами актуализирует наследие К.Маркса и марксизм. И дело не только в 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции; не только в том, что приближается 200-летие со дня рождения К. Маркса, которое действительно прогрессивные силы готовятся достойно отметить. Происходит неизбежная актуализация марксистской постановки и разработки фундаментальных проблем философии, к числу которых, безусловно, относится и проблема взаимосвязи рационального и иррационального.

Дилемма рационализма и иррационализма отчетливо определилась в философии XIX века и уже тогда достаточно ясно проявились крайности этих двух направлений. Но именно в рамках этой дилеммы оформились представления о содержании и смысле категорий рационального и иррационального, которые и сегодня, зачастую некритически, воспроизводятся в отечественной и зарубежной литературе [2;4;10;12;15;16].

Основатели марксизма, как известно, заявили о необходимости революционного переворота в философии, радикального *переформулирования фундаментальных проблем и категорий философского знания*, очищения их от исторических заблуждений и мистификаций. Поэтому важное значение имеет отношение марксизма, оказавшего столь глубокое воздействие на человеческое познание и практику в XX веке, к дилемме рационализма и ир-

рационализма, а также к проблеме взаимосвязи категорий рационального и иррационального. Два аспекта этого вопроса интересны прежде всего: сумел ли марксизм кардинально пересмотреть эту достаточно традиционную проблему (или, по крайней мере, создать предпосылки для этого) и, с другой стороны, как сам марксизм «вписывается» в борьбу рационализма и иррационализма.

Дело в том, что вопрос этот вызывается массой противоречий, имеющих место в философской литературе — сам марксизм довольно часто (и небезосновательно) отождествляет с рационализмом. Известно, что классики марксизма солидаризировались с рационалистической линией в мировой философии, противопоставляя ее «религиозному мракобесию», фетишистским представлениям иррационального толка. В то же время они не менее решительно выступали и против «плоского, рассудочного» рационализма обыденного сознания и его теоретического выражения в различных концепциях (вроде вульгарной политэкономии). В современной литературе (как правило, школьной, догматической) мы найдем немало примеров некритического воспроизведения типично рационалистических представлений о том, что такое чувственное, рациональное, абстрактное, конкретное и т.п. К тому же, категория «иррациональное» долгое время в советской философской литературе вообще третировалась, несмотр-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ря на ее неожиданно частое употребление в «Капитале» К. Маркса [13, Приложение].

Можно было предположить, что категории такого ранга как рациональное и иррациональное марксизм не мог просто игнорировать и должен был дать свое истолкование этой вечной философской проблеме. Марксизм (еще с выходом «Манифеста Коммунистической партии») заявил о начале новой эпохи человеческой истории, содержанием которой должно стать разумное переустройство мира, человека и его познания на основе совершенно иного представления о том, что такое разум, человек, мир и познание. Насколько удалось ему переформулировать смысл проблемы рационального и иррационального и если удалось, то в чем заключается возможное эвристическое значение этого решения?

К. Маркс и Ф. Энгельс, глубоко усвоившие дух и букву немецкой классической философии, разумеется, не могли обойти важнейшие уроки этого периода развития человеческой мысли. Ряд противоречий, обнаружившихся в классическом наследии, по их мнению, не только заставлял произвести радикальный пересмотр философского знания, но и заявить не только о «конце немецкой классической философии», но и всего старого способа философствования. Менялось представление о сущности философии, познания, человека, общества, а значит, и разума. Разум, разумность и рациональность

должны были подвергнуться неизбежно глубокой трансформации в рамках мировоззренческой системы, заявлявшей радикальный разрыв с классической традицией.

Направленность истолкования понятий рационального и иррационального Марксом и Энгельсом диктовалась необходимостью «отталкивания» от вариантов, представленных как традиционным рационализмом, так и различными формами иррационализма и мистицизма — ведь как пронизательно скажет позднее В.И. Ленин: «Идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, метафизического» [6, т. 29, с. 322].

Парадоксальное, на первый взгляд, разведение разума и рациональности, в сущности, было произведено еще Кантом, который обнаружил, что в самом разуме и его действиях и продуктах далеко не все может быть признано разумным, рациональным — возможно неразумие разума, когда он необходимым образом впадает в противоречия, выходя за свои пределы. Однако это неразумие все-таки оставалось чем-то внешним самому разуму и Кант считал, что решение задачи состоит в том, чтобы каждый раз возможно точнее определять границы суверенности разума для того, чтобы предохранить его от заблуждений, противоречий и тем самым — укрепить его мощь.

У Гегеля, пошедшего в рационализме еще дальше, к панлогизму, иррациональное исчезает полностью; но тогда — и это весьма знаменательно! — ра-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

зум мистифицируется: «все разумное мы, следовательно, должны вместе с тем называть мистическим, но этим мы высказываем лишь то, что оно выходит за пределы рассудка, а отнюдь не то, что оно должно рассматриваться вообще как недоступное мышлению и непостижимое» [2]. Такой подход, в сущности, ликвидирует самое различие рационального и иррационального. Разум, разумное, имеющее дело с миром сущностей, постоянно приходит в противоречие с рассудком, имеющим дело с миром явлений. Это противоречие подводит к выводу, что рациональность и абстрактно-логическая правильность (рассудочность) суть вещи существенно различные, или, другими словами, абстрактно-логическая правильность не является достаточным признаком рациональности (разумности).

Другое противоречие или проблема, вскрытые классикой, тоже требовало иного осмысления категорий рациональное и иррациональное: *социально-исторический* характер содержания понятий разум, рациональное и иррациональное. Если у Канта постижение (и соответственно, раскрытие, выявление) глубинной архитектоники разума есть, в сущности, процесс его саморефлексии (а история чистого разума — это место, «которое надлежит заполнить в будущем»), то Гегель с порога приводит в движение все категории и наполняет их исторически меняющимся содержанием, хотя и в мистифицированном виде. Но глубокое убеж-

дение в том, что истина ничто вне постижения также и пути, ведущего к ней, убеждение в том, что история мысли не есть история заблуждений, ошибок, а есть история приближения к истине, — эти представления стали основой для марксистских утверждений о социально-исторической природе мышления и познания.

Кроме того, традиция рассмотрения тесной взаимосвязи и тождества противоположностей рационального и его противоположности предопределила марксистское представление о диалектическом характере взаимосвязи рационального и иррационального.

Рассмотрим характер употребления понятий рациональное и иррациональное в главном произведении К. Маркса — «Капитале» (Это, как известно, четыре тома в семи книгах. См.: Приложение «Предметный указатель по категориям рациональное и иррациональное и смежным с ними в «Капитале» [13]). Здесь более, чем в каком-либо ином произведении основателей марксизма, разнообразно и широко использованы эти понятия. Понятие «рациональное» встречается 26 раз, «иррациональное» — 39.

Надо сразу же отметить, что эти понятия употребляются совсем не случайно и достаточно широко: для сравнения укажем, что такое важное и характерное для марксизма понятие как «превращенная форма» (например — прибыль как превращенная форма прибавочной стоимости), играющее важную

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

роль в характеристике капиталистического способа производства, и хорошо изученное в отечественной литературе [7], употребляется Марксом в «Капитале» 61 раз.

Анализ употребления понятий рациональное и иррациональное показывает, что они применяются в следующих основных смыслах: 1) форма, 2) выражение, 3) отношение, 4) способ (или путь). Например, «иррациональное» как форма употребляется в 24 из 39 случаев, являясь, фактически, общим знаменателем всех прочих вариантов.

Понятие «превращенной формы» не случайно взято нами для сопоставления — оно, играя важную роль в конкретизации проблемы взаимосвязи сущности и явления, опосредует их взаимодействие, показывает, по мнению Маркса, сложноопосредствованный и многослойный характер их взаимодействия и перехода. И как раз существеннейшей характеристикой превращенных форм выступает соотношение их рациональности / иррациональности. Таким образом, понятия эти помещены в самую сердцевину сущностных определений Марксом капиталистического способа организации общественного производства и общества в целом.

«Форма» и «способ» понимаются как форма человеческой деятельности, как общественно-исторически выработанная форма (или способ). Способ, форма, (уместно даже говорить о «схематизме») деятельности суть продукты дли-

тельного развития общества. В этом смысле Маркс замечает, что «эпохи человеческой истории различаются, главным образом, не тем что производится, а как, в какой общественной форме» [8, т. 23, с. 108]. Под общественной формой здесь понимаются производственные отношения, в рамках которых развивается общественное производство (и главным образом — господствующие отношения собственности). Но общественными по своей природе являются также и способы, схемы, приемы, формы осуществления всякой предметной деятельности (практической и познавательной). Это особенно хорошо видно на примере исторического развития производства: как один и тот же продукт, удовлетворяющий одну и ту же потребность на протяжении истории производится различными способами, по разным технологическим схемам. Приемы, способы оперирования с предметами, в данном случае — с предметами труда, сырьем, — являются продуктом длительного развития общества, сокровищницей коллективного и индивидуального опыта, который отложился в них и наследуется через них, через оперирование с ними.

Таким образом, в понятие формы деятельности в марксизме вкладывается широкое содержание: это и общественные отношения, задающие определенный способ порождения предметов, и сами, собственно, способы, приемы и схемы такой деятельности. Общественные отношения, в сущности, как раз и подразумевают

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

определенную схему, способ осуществления деятельности: например, отношения собственности выступают как регулятивные схемы действий людей, существенно предопределяющие характер, приемы и границы оперирования с вещами (владение, пользование, распоряжение — когда, как, сколько, кому).

Но продолжим далее анализ общих моментов употребления понятий рациональное и иррациональное. На наш взгляд, имеют место три смысловых варианта применения этих понятий.

Во-первых, в смысле *соизмеримости-несоизмеримости* (соответственно, в предельно широком плане: *выразимости-невыразимости* одного через другое). Например, Маркс отмечает фактическую иррациональность взглядов критикуемых им вульгарных экономистов на связь доходов и их предполагаемых источников: капитал-процент, земля-рента, труд – зарплата: «Это отношение между не только несоизмеримыми величинами, но и между совершенно различными, никакого отношения друг к другу не имеющими и не сравнимыми вещами» [8, т. 25, ч. 2, с. 391, а также 340].

Маркс в последнем тексте обращает внимание на то, что такая несоизмеримость и сопоставимость совершенно различных по своей природе вещей не есть просто выверт сознания, не теоретический фокус недобросовестного мышления, а *иррациональная форма выражения действительных про-*

изводственных отношений [8, т. 25, ч. 2, с. 172]. Другими словами, соизмеримость или несоизмеримость являются продуктом определенного способа производства, характеризующегося данными производственными отношениями. Они-то и задают исходные предпосылки того способа осуществления деятельности людей, при котором соизмеряется несоизмеримое, сопоставляется несопоставимое, соотносятся не имеющие отношения вещи. Другими словами, соизмерение и сопоставление несоизмеримого происходит не просто и не столько как нечто произвольно-вздорное в головах участников капиталистического производства, — оно там лишь отражается, является отображением реального соизмерения несоизмеримого, совершающегося в рамках данных общественных отношений.

Почему в употребляемых терминах рационального и иррационального в «Капитале» обнаруживается именно этот смысл? Толкование соизмеримости-несоизмеримости как сути понятий рационального и иррационального ведет свое происхождение от пифагорейцев, с античной математики. И сегодня математический смысл рациональности и иррациональности (чисел, например) — это, прежде всего, *выразимость или невыразимость* одного через другое, *соизмеримость и несоизмеримость* (вспомним, как определяется в математике рациональное число: P/Q).

Это наводит на мысль, что Маркс для описания феноменов капиталистического спосо-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ба производства использовал понятия, имеющие навеянный математикой смысл. Действительно, он как раз в период работы над «Капиталом», как известно, занимался высшей математикой, что подтверждается замечанием Маркса об особенностях своего подхода в письме к Энгельсу от 8.01.1868: «...впервые, зарплата представлена как иррациональная форма проявления скрывающегося за нею отношения... (мне помогло то, что в высшей математике часто встречаются такие формулы)» [8, т. 32, с. 9].

Но кроме этого смыслового аспекта соотношения рационального и иррационального есть еще один: в смысле наличия или отсутствия сознательно-планомерного контроля со стороны субъекта деятельности над способом, формой ее осуществления. Это отчетливо просматривается, когда Маркс и Энгельс увязывают рациональность, демистификацию и дефетишизацию общественной жизни с установлением такого контроля над способом (строем) общественной жизнедеятельности людей. Маркс так писал об этом: «Строй общественного жизненного процесса, т.е. материального процесса производства сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем» [8, т. 23, с. 90].

В этом тексте следует особо обратить внимание на взаимосвязь ключевых моментов: демистификация (= рационализация) — сознательный планомерный контроль — «строй общественного жизненного процесса» (способ производства). В этом состоит важнейшее смысловое содержание, вносимое марксизмом в понятие рациональности (и, соответственно, иррациональности, т.е. фетишистской мистифицированности и извращенности).

В идее рациональности как сознательного контроля Маркс продолжает следовать традиции и идеалу гуманистической разумности, нашедшей развернутое воплощение в рационалистической метафизике XVII – XVIII вв., для которой разумность осуществляется в сознательной контролируемости и воспроизводимости. В частности, вся классическая буржуазная философия исходила из идеала разумности именно как сознательно проводимой контролируемости (Например, знаменитые Декартовы правила в его «Рассуждении о методе»). Процесс познания тогда рационален, когда каждый пункт его может быть сознательно проконтролирован, то есть в любой точке и с любого момента воспроизведен любым субъектом в любом месте и в любое время [2; 4; 12; 15].

Кстати, заметим здесь же, что анализ содержания дилеммы «контролируемость – неконтролируемость» выводит нас на прежнюю пару категорий «выразимость–невыразимость» (а следовательно, соизмеримость–несоизмеримость), ибо воспроизвести, общезначимо проследить можно лишь то, что кон-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

тролируемо; и наоборот, если нечто не может быть воспроизведено, если оно в принципе однократно, следовательно, контроль невозможен и нет выразимости, господствует несоизмеримость (невыразимость вплоть до «неизреченности»).

Марксистской философии не просто близки смысловые оттенки, восходящие к прошлой традиции в толковании содержания и взаимосвязи рационального и иррационального, родство марксизма с глубинной интенцией рационалистической традиции в философии еще глубже: когда речь идет о рациональности и иррациональности как характеристиках способа или формы деятельности. Но различие марксистской философии и рационализма все же существенно: в отличие от рационализма она делает практическую действительность исходным пунктом философствования. Поэтому и рациональность получает иное содержание.

Классический рационализм тяготеет в истолковании данных категорий к математическому знанию (где рациональность и иррациональность выступает как соизмеримость–несоизмеримость), к теоретическому сознанию вообще (где эти категории понимаются как абстрактно-логическая правильность или, напротив, как нечто алогическое, абсурдное, непознаваемое), увлекаясь в толковании контролируемости абстрактным методологизмом и схематизмом (декартовское *cogito*, кантовский трансцендентализм). Порой, как скажем, у Канта, довольно глубоко и мет-

ко раскрывая «механику» процесса познания, работы активного познающего мышления, рационализм (или иррационализм, критикующий недостатки рационализма) не смог подняться до определения *социально-исторической природы* процесса познания и его форм, способов, приемов, схем. В.С. Швырев справедливо указывает на это, сравнивая Канта и Гегеля в истолковании разума: «Выдвигая представление о «разуме» как наиболее совершенном типе мышления, Гегель осуществляет по сравнению с Кантом последующий шаг в углублении методологической рефлексии. Он делает объектом своего исследования не знания в их непосредственной данности, как это было в философии Нового времени, и не взаимодействие априорной «формы» с заданным извне материалом, как у Канта, а самое «форму» в процессе ее внутреннего, имманентного развития, которое и образует собственно содержание этой «формы» [16, с. 83].

Замыкание теоретического сознания в кругу форм собственно познающего мышления рано или поздно подводит его к роковой черте, за которой начинается уже мистификация самого изучаемого процесса и дело не спасают гениальные догадки и озарения: исходная претензия сознательно контролируемого воспроизведения процесса познания шаг за шагом вплоть до самого истока его неизбежно упирается в необходимость ответить на вопрос о характере, природе этого истока.

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Но для Маркса категории рациональное и иррациональное есть категории не только познающего мышления, теоретического сознания, но и материальной практики. Рационализм кроме практики научного познания, иной не признает и в силу этого вся область соотношения рационального и иррационального сводится к теоретическому сознанию, взаимодействию его механизмов. В этом ухватывается, несомненно, то важное, сущностное обстоятельство, что под рациональностью понимается наиболее развитая форма сознательного контроля, который неизбежно должен сопровождаться теоретически осознанным, контролируемым в формах развитого теоретического сознания воспроизведением процесса. Но рациональность к этому только сведена быть не может и история философии нам это определенно показывает. В этом смысле, набрасывая обдуманное в главном, Маркс в «Тезисах о Фейербахе» сформулировал так: «Все мистерии, уводящие теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в практике и в познании этой практики» [8, т. 42, с. 266].

В этом тезисе обращают на себя внимание два пункта, которые получают свое развитие в дальнейшем движении мысли. Во-первых, «мистицизм» самой жизни, то есть собственно мистерии, принадлежащие самой реальности, объективно существующие вне и независимо от субъекта. Это положение с далеко идущими последствиями. Во-вторых, мистицизм теорети-

ческий, как отображение тех самых реальных мистерий (в общем виде как бы более нам известный). Рациональность разрешения тоже двоякая: рационально разрешить (ликвидировать) мистерии, совершающиеся в реальной жизни и отображающиеся в головах (в различных теориях), можно и нужно практически, пересозданием этой практики, то есть самой реальности, и рациональность разрешения путем теоретического проникновения в сущность той практики, которая порождает мистерии. А отнюдь не «зряшным» отрицанием «выдумок» и «нелепиц», их логическим опровержением, выявлением их внутренних противоречий. По рационалистическому взгляду на суть дела, для «рационального» преодоления мистификаций достаточно теоретически осознанно (в строгих процедурах – Р.Декарт, Б.Спиноза) и контролируемо воспроизвести процесс (И.Кант) и произвести очищение познания от «призраков», «идолов» (Ф. Бэкон) и т.п., всего неясного, неотчетливого, смутного и противоречивого.

Критике такого подхода, как известно, Маркс уделил немало внимания в своих «Теориях прибавочной стоимости»: он считал, что такая рационализация есть не что иное, как формально-логически правильное упорядочивание обыденных представлений участников совершающихся мистерий, которые выстраивают совершенно ложную, извращенную по существу картину того, «что есть на самом деле», то есть всего оче-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

видно данного, того, что они со своей ограниченной точки зрения непосредственно видят. Такая картина, действительно, может быть обставлена солидным «фактическим» обоснованием, но это будут те самые факты, по поводу которых Гегель, как помнится, высокомерно отозвался — «тем хуже для фактов!». Добавив следующий тезис Маркса о том, что всякая общественная жизнь по существу является практической, мы подходим к истолкованию им социально-исторического и практического процесса как процессов мистификации и фетишизации, так демистификации и дефетишизации общественной жизни.

Каким же образом понимается в марксизме сама природа мистификаций и фетишизации социальной жизни и каковы способы преодоления их? В этих двух пунктах заключается существенное отличие марксистского подхода в истолковании рационального и иррационального от прежних рационалистических представлений, признанных им непродуктивными.

Анализ исходных позиций, на которых выработывалось коммунистическое мировоззрение марксизма, заставляет отметить, что понимание рациональности и ее диалектической противоположности несет на себе отпечаток общей гуманистической ориентированности марксизма и потому сводить их содержание к указанному выше «технологическому» аспекту — контролируемости познавательного процесса, — нельзя. Маркс ставит соотношение рациональности-иррациональности

в подчинение дилемме гуманность–антигуманность. По его мнению, дело в том, что идея сознательного планомерного контроля человека над строем (способом) общественного жизненного процесса выводит нас к представлению о превращении человека в подлинного субъекта, творца своей социальной жизни. С этой точки зрения становится понятным неудовлетворительность прежнего обыденного отождествления рациональности с простой целесообразностью или абстрактно-логической правильностью и непротиворечивостью.

Вот почему для Маркса иррациональное настолько многолико, что вполне может присутствовать в самом привычном и повседневном, в формах обыденного сознания и поведения, которые отнюдь не гарантируют человека от навязывания ему неподконтрольных ему форм и способов жизнедеятельности. С этих позиций должен быть понят коммунистический идеал разумно организованного общества, как он представлялся марксизму: «Коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль..., совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей» [8, т. 25, ч. 2, 386–387.] Заметьте, что говоря об идеале разумного переустройства общества, Маркс нигде не употребляет самого понятия разум, с его точки зрения, неадекватно упо-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

требуемого рационализмом (как, впрочем, понятие свободы и необходимости). Основатели марксизма считали, что понятие разума в просветительской философии существенно отягощено фетишизмом и мистифицировано.

Однако во всем этом толковании, несмотря на многочисленные пояснения и оговорки, многое осталось весьма расплывчатым и неясным, даже противоречивым.

Общий контроль ассоциированных индивидов необходимо должен быть конкретизирован каким-то объективным критерием, мерилем, но каким? Мысль привычно сбивается на «природу человека», на условия, «наиболее достойные ее», — понятия, с точки зрения самого марксизма достаточно скомпрометированные в теоретическом плане. Ведь доказано уже, что нет вечной и неизменной «природы» человека, как нет вечного и неизменного «разума». Некую абсолютную внеисторическую природу человека марксизм, как никто другой, отрицал. Маркс попытался вложить в это внеисторическое содержание процесс непрерывного саморазвития, становления человека, когда в «Экономических рукописях 1857-1859 гг.» предположил, что подлинная история человека и природа его состоят в том, что он способен развиваться сверх всякого заранее данного предела, в универсальном и всестороннем развитии сил и способностей: «Во всех этих формах (древних типах общества - Авт.) основой развития является вос-

производство заранее данных... отношений отдельного человека к его общине и определенное, для него predetermined, объективное существование ... — в силу чего эта основа с самого начала имеет ограниченный характер. На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т.д. индивидов, созданной универсальным обменом?.. Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становлениями» [8, т46, ч.1, с. 417].

Но в ситуации, когда необходим критерий, мера (как раз какой-то заранее данный масштаб!), то общий контроль ассоциированных индивидов приобретает явно негативистский характер отрицания всякой определенности и однозначности: получается, что он должен состоять в том, чтобы человеческая природа «не затвердела»

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ни в чем определенном? Острый недостаток позитивности сказывается в этой логике, которая вся пронизана лишь регулятивными принципами, нормативными предписаниями, не имеющими пока никакого определенного ограниченного содержания.

Разнообразно варьируемая мысль о сознательном контроле объединенных индивидов над способом их совместной общественной жизни, способом объединения в общество, грозит обесмыслиться, ибо то, что вчера было разумно, рационально и целесообразно, сегодня может превратиться в нечто неразумное и иррациональное. Получается, что смысл может иметь только движение и контроль над способом его и формой. Не получается ли это целесообразность без цели; движение – все, а конечная цель – ничто?

Не меньшее количество вопросов вызывает и понятие субъекта рационализации общественной жизни: указаны некие «ассоциированные производители», «коллективный человек». Немало опасностей подстерегает теоретическое мышление здесь, ибо рациональность при таком подходе может быть приписана только так называемому «коллективному разуму», а разум индивидуальный — обесценивается. Большевик наглядно продемонстрировал свойства социально-политического воплощения такого идеала («коллективный разум масс»), «партия – ум, честь и совесть», и т.п.).

Это только небольшая часть вопросов, возникающих при ближайшем рассмотрении

предельно общим образом сформулированного основателями марксизма их идеала гуманистической рациональности, осуществление которого, по их мысли, призвано было вырвать человека из-под слепой, враждебной ему власти стихийного осуществления общественной жизни. Иррациональность и есть господство стихийных неконтролируемых, навязанных природой или предшествующей историей, способов и форм жизнедеятельности. Поэтому рациональное и иррациональное становятся в марксизме не просто характеристиками теоретического сознания, но мерками социально-исторического процесса превращения человека в активного самостоятельного субъекта. Мы не будем сейчас анализировать историческую правоту или неправоту марксизма. Думается, что такой акцент в истолковании извечной проблемы добра и зла, свободы и необходимости, — обеспечил марксизму то влияние, которое он имел в двадцатом столетии.

Но не менее интересен и собственно логико-теоретический анализ соотношения рационального и иррационального, вне всемирно-исторического процесса преобразования общества и скачка его из «царства необходимости в царство свободы». Определенной новизной марксистской методологии было толкование иррационального как неконтролируемого человеком и навязанного ему извне (природой или историей — не важно). Поэтому иррациональное и рациональное вовсе не

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

обязательно различаются своим логическим строем. Формы иррационального многообразны и оно не сводится к алогическому, противоречивому или бессознательному.

Оно вполне может и выступает в виде схематизмов обыденного сознания, повседневной жизнедеятельности. Эта привычность и даже удобность иррациональных по сути форм сознания и практики является весьма распространенной. С другой стороны, с марксистской точки зрения, чистым заблуждением является сведение человека к сознанию, а тем более, — к разуму («*Homo sapiens*») и потому изгнание всех форм иррациональности из сознания и практики как некой патологии. Таким образом, рациональное и иррациональное невозможно различить на уровне и средствами обыденного сознания, с помощью формально-логических процедур. Поэтому Маркс с наибольшей интенсивностью подвергает теоретическому анализу именно обыденные представления (так называемых вульгарных экономистов, считая, что они с наибольшей силой выразили обыденные представления участников экономических процессов современного ему общества) на предмет выявления их иррационального содержания.

Речь идет о таких понятиях, как превращенные формы, прибавочная стоимость и предмет деятельности (труда, социальных отношений и т.п.).

Марксизм рассматривает общество как сложноорганизованную систему, в которую во-

влечены наделенные сознанием и волей люди, а также вещи. Он стремится показать многостепенные сложно организованные цепи опосредования и опосредствования, которыми связаны происходящие процессы и участвующие в них люди.

Многостепенные и сложные опосредствования ведут к двум важным следствиям: взаимосвязи, составляющие сущность системы, многократно опосредуясь, вытесняются и замещаются, что приводит в итоге к превращению формы данной системы и она становится нераспознаваема с точки зрения сущности ее, иначе говоря, сущность системы начинает проявляться столь опосредованно, что «уходит с поверхности явлений» и ее открытие превращается в загадку, тайну.

Роль опосредствования выполняют не только вещи, но и люди, а также их представления. Поэтому несостоятельна как вещно-механистическая картина этих процессов, так и субъективно-психологическая.

Маркс писал: «...действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения порождает все новые формы, в которых все более теряется нить внутренней связи, отношения производства все более приобретают самостоятельное существование по отношению друг к другу, а составные части стоимости закаменевают в самостоятельные одна по отношению к другой формы»[8, т.25, ч.2, с.396]. После такого превращения, отмечает он, вовлеченные в процесс

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

индивиды иначе смотрят на него: «Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой (действительной, сущностной – Авт.), а, напротив, в извращенной форме» [8, т. 25, ч. 2, с. 389].

В то же время, эти превращения довольно легко усваиваются обыденным сознанием, которое апеллирует к ним как к наличной реальности, совершенно не заботясь о судьбе сущности (как не заботились люди о законе тяготения тысячи лет наблюдая различные формы его проявления – падающие на землю вещи и висящую в небе луну), несмотря на то, что сущность в них извращена, затемнена и вытеснена («с поверхности явлений»).

Маркс подчеркивает отношение к этому участников процесса и тем самым формулирует принципиальной важности проблему: «Однако до опосредствующей роли тех иррациональных форм, в которых выступают и практически резюмируются определенные экономические отношения, практическим носителям этих отношений нет в их обыденной жизни никакого дела, а так как они привыкли вращаться в этих отношениях, то их ум нисколько не спотыкается о них. В том, что насквозь противоречиво, для них нет решительно ничего таинственного! В формах проявления, лишенных внутренней связи и нелепых, если их взять изолированно, они так же чувствуют себя, как рыба в воде» [8, т. 25, ч.

2, с. 340]. Еще раз обратим внимание на это указание Маркса, что *обыденное сознание не различает рациональности и иррациональности*, ибо внутренняя сущностная связь стерта и нераспознаваема, замешена, а, значит, для него вытеснена из сферы непосредственно очевидного и доступного опыту обыденного сознания. Поэтому сущность можно постичь только опосредованно, в понятиях, теоретическим разумом и только им исследована. Только в теоретическом понятийном мышлении возможно различение рационального и иррационального.

Это следует понимать так, что рассудочное обыденное сознание ухватывает не рациональность или иррациональность, а какие-то их необходимые, но недостаточные признаки. Например, формально-логическая правильность и непротиворечивость являются необходимыми, но недостаточными признаками рациональности, как и алогизм и противоречивость вовсе не являются обязательными и тем более достаточными признаками иррациональности.

Поэтому-то для рассудка истины науки парадоксальны и противоречат данным повседневного опыта (постоянство ускорения свободного падения тел на землю вне зависимости от веса, шарообразность Земли, гелиоцентрическая система и т.д.) в том смысле, в каком подметил еще Гегель, а затем и Маркс: «В этом случае справедливо то, что Гегель сказал отно-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сительно известных математических формул: то, что обыденный человеческий рассудок находит иррациональным, есть рациональное, а рациональное для него есть сама иррациональность» [8, т. 25, ч. 2, с. 341], а с другой стороны, рассудок может вращаться в кругу иррациональных, но вполне привычных представлений и форм деятельности.

Маркс вновь и вновь возвращается к этой ситуации, заостряя внимание на отчужденных, как он подчеркивает формах проявления сущностных связей: «Поэтому нас не может удивлять обстоятельство, что как раз имея дело с отчужденной формой проявления экономических отношений, в которой они *rigma facis* принимают нелепый характер и полны противоречий, – а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишняя, – что именно здесь вульгарная политэкономия чувствует себя совсем как дома и что эти отношения представляются ей тем более само собой разумеющимися, чем более скрыта в них внутренняя связь, хотя для обыденного представления они кажутся привычными» [8, т. 25, ч. 2, с. 383].

Мы сталкиваемся здесь с весьма сложной и острой проблемой: понять противоречивость и нелепость таких форм можно только при анализе их с помощью средств теоретического мышления, но сами по себе теоретические средства (понятия, категории, теории) не являются индикаторами рацио-

нальности или иррациональности. Поэтому-то с их помощью может осуществляться псевдорационализация стереотипов обыденного сознания, зачастую носящих в принципе иррациональный характер. И связано это, по мнению Маркса, с тем, что отображение сущностной связи явлений и процессов является сложнейшей задачей (раскрытие тайны), так как она не просто не дана непосредственно, но подвергается многоступенчатому превращению, содержащим замещения и вытеснения ряда посредствующих элементов.

Острота познавательной проблемы оказалась связана с тем, что сам познающий субъект является участником познаваемых процессов и потому характер включенности его в изучаемые связи и отношения вещей и явлений существенно предопределяет итог постижения сущности, а, следовательно, рационализации представлений о ней. Например, постоянно подчеркивает Маркс, трудность изучения сущности капитала состоит в том, что «...вся сфера (капитала) есть сфера конкуренции, в которой, если рассмотреть каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладывающий себе дорогу через эти случайности, и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах, и в которой он остается поэтому невидимым и непонятным для самих отдельных агентов производства» [8, т. 25, ч. 2, с. 395–396].

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Там, где сущностная связь не скрыта под слоями опосредствований, непосредственные участники процесса производства способны ее осознавать, сознательно действовать в соответствии с ней. Но такая благоприятная познавательная ситуация, очевидно, есть вещь достаточно редко встречающаяся, а в случае с познанием процессов, совершающихся в обществе, тем более исключительная.

Еще более сложные, крайние случаи состоят в том, что опосредствования ведут к *превращениям* взаимосвязей так, что принципиально меняются местами причина и следствие, начало и конец, цель и средство, условие и результат и т.п., являя совершенно фантастическую картину. Часто опосредствование настолько усложняется и разрастается, что проявляется «непосредственное» – в виде тождества указанных категорий, ибо опосредствование выпало из поля зрения участников процесса. Вот почему одним из признаков иррационального является *чистая непосредственность*, – выступает ли она в виде мистической интуиции, вдохновения, экстатического озарения, чудесного явления и т.п., – с помощью которых предполагается прямой прорыв к сущности, богу, минуя слои опосредствований.

Рациональность поэтому всегда дискурсивна, в дискурсивности раскрываются слои и уровни опосредствования. Иррациональность часто кроется там, где склонны полагать что-то *самоочевидным*, *само собой*

разумеющимся, не нуждающемся в специальном разъяснении и обосновании. Фундаментальная методологическая подозрительность к такого рода самоочевидным (непосредственным) данностям совершенно оправдана. В этих формах слишком часто скрывается навязываемый неконтролируемый схематизм связи определенного рода, при ближайшем рассмотрении часто оказывающийся вполне иррациональным (невыразимость одного в другом), что в последующем разрешении этого противоречия могло приводить, например, к раскрытию целой новой предметной области, скрытой ранее от рефлексии. Как правило, такой продуктивной рефлексии предшествовали существенные практические изменения, достижения, которые и приводили к неудовлетворенности формулами типа: «таким образом, отсюда следует...», «само собой разумеется, что...» и другими подобными.

Частным случаем противоречивого взаимоотношения непосредственного и опосредствованного, проявляющего связи рационального и иррационального, выступает у Маркса категория «овеществление». Он указывает на то, что опосредствования часто принимают форму овеществления: «В формуле «капитал-прибыль» или, еще лучше, «капитал-процент, земля - земельная рента, труд-зарплата», в этом экономическом триединстве, изображающем связь составных частей стоимости и богатства с его

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

источниками, оказывается завершенной мистификацией капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений, непосредственное сращивание вещественных отношений производства с их исторически-общественной определенностью получился заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир...» [8, т. 25, ч. 2, с. 398].

В сложных системах человеческой деятельности складывающиеся общественные отношения опосредуются вещами, осуществляются при посредстве вещей. Неразличение характера такого опосредствования, того обстоятельства, что вещная оболочка общественных отношений и человеческой деятельности есть лишь посредствующее звено и сведение их к вещам, к этой вещной оболочке — все это ведет к непосредственному сращиванию, отождествлению и мистификации связей: соизмерение несоизмеримого (вещь и общественное отношение), иррациональность.

Смысловой оттенок понятия мистификации соприкасается с содержанием понятия непосредственное, ибо мистификация и есть подмена сущности непосредственно данным (но фактически несущественным), что выступает как бы непосредственным явлением сущности (как будто она дается непосредственно), что невозможно, и в то же время есть на деле (непосредственная данность запредельного). Чаще всего, суть этого механизма в том, что

посредствующий процесс опускается, замещается и на поверхности предстает «непосредственная» связь. В наибольшей мере этот механизм был прослежен Марксом в анализе ссудного процента: «В форме капитала, приносящего проценты, это качество (самовозрастание - Авт.) проявляется непосредственно, без опосредствования процессом производства и процессом обращения. Капитал представляется таинственным и самосозидающим источником процента, своего собственного увеличения. Вещь (деньги, товар, стоимость) как просто вещь, теперь уже является капиталом, а капитал представляется просто вещью; результат всего процесса воспроизводства представляется свойством, принадлежащим самой вещи; от владельца денег, то есть товара в той его форме, в которой его всегда можно обменять, зависит, израсходует ли он их как деньги или отдаст в ссуду как капитал. Поэтому в капитале, приносящем проценты, этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, выступает перед нами в чистом, окончательно сложившемся виде, и в этой форме он уже не имеет на себе никаких следов своего происхождения (курсив наш - Авт.) [8, т. 25, ч. 1, с. 431].

И далее Маркс резюмирует суть перехода к иррациональному: «Здесь фетишистская форма капитала и представление о капитале-фетише получает свое завершение. В Д-Д' мы имеем иррациональную фор-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

му капитала, высшую степень искажения и овеществления производственных отношений... перед нами мистификация капитала в самой яркой форме" [8, т. 25, ч. 1, с. 432].

Как видим, категории непосредственное-опосредствованное занимают важное место в анализе Марксом связи рационального и иррационального. Можно сразу же сказать здесь, что в современных исследованиях проблемы рациональности этим категориальным соотношениям уделяется крайне мало внимания, между тем как эта пара категорий если не помогает вскрыть тонкие механизмы образования таких форм иррациональности как мистическое, фетишизм, и т.п., – то по крайней мере, нацеливает на это.

Однако при всей важности этих обстоятельств, явно и четко прослеживаемых в марксистском анализе «превращенных форм сущности капиталистического способа производства», мы должны исследовать собственное содержание категории иррациональное, как это виделось Марксу.

Следует обратить внимание на то, что с необходимостью существует два уровня рассмотрения. Первый уровень – это, как мы уже видели, объективные процессы многообразного опосредствования в сложноорганизованных системах деятельности (например, производство материальных благ, распределение, обмен, общественные отношения и т.д.), то есть иерархически организо-

ванная система взаимосвязей и отношений людей и вещей, в которых имеют место процессы опосредствования, замещения, вытеснения (или в целом – превращения). Это объективно существующий слой реальности общественной жизни как таковой, самой по себе.

Но есть второй слой, он играет не менее важную роль, ибо речь идет о взаимодействии субъективных стремлений и представлений. Однако этому плану Маркс также придает объективный характер, он говорит об «объективных мыслительных формах... в которых практически резюмируются определенные общественные отношения» [8, т. 25, ч. 1, с. 383]. Иррациональное не списывается на счет «дурной субъективности», вздорных продуктов произвольной игры фантазии, но рассматривается как закономерное образование: формирование иллюзий и заблуждений, извращенных представлений имеет под собой объективно закономерную почву.

Оба эти слоя постоянно представлены в том способе анализа капитала, который многообразно повторяет Маркс. Вначале – свершение превращения на основе многообразного опосредствования: «Движение, характерное для капитала вообще, – возвращение капитала к его исходной точке, – для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто внешний вид, обособленный от того действительного движения, формой которого он служит» [8, т. Там же]. Превращение уже имеет место

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

до всякого его осознания, осмысления, простого отображения: в таком виде картина предстала бы всякому сознанию, решившему бы ознакомиться с ней. «В самих этих сделках, – стремится подчеркнуть и детализировать процесс Маркс, – посредствующий процесс погашен, невидим, непосредственно не заключен. Простая форма капитала – деньги, которые затрачиваются в виде суммы $A+1/x$ A без какого бы то ни было иного опосредствования, кроме этого промежутка времени — есть лишь иррациональная форма действительного движения капитала» (курсив наш – Авт. [8, т. 25, ч. 2, с. 389]).

Далее с этими реально совершившимися превращениями, со всеми замещениями и вытеснениями, имеют дело участники процессов производства, обмена, распределения и т.п. Но все они неизбежно выступают как частичные участники, которым открывается лишь определенная часть целостного процесса и потому, по мнению Маркса, они неизбежно строят превратное представление: «...распределение предполагает наличие этой субстанции, т.е. совокупной стоимости годового продукта, которая есть не что иное, как овеществленный общественный труд. Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой, а, напротив, в извращенной форме» [8, т. 25, ч. 2, 389–390].

Характерно именно это включение в постижение любого

процесса капиталистического общества позиции наблюдателя, которая формируется, тем не менее, совершенно объективно (методологическое новшество, которое делается общенаучным лишь в следующем веке, после научной революции начала XX в.). Маркс продолжает: «Этим агентам производства капитал, земельная собственность и труд представляются тремя различными, независимыми источниками, из которых, как таковых, происходят три различные составные части ежегодно производимой стоимости, а следовательно, и продукта, в котором она существует, из которых, следовательно, происходят не только различные формы этой стоимости, достоящиеся в виде доходов отдельным факторам общественного процесса производства, но и сама эта стоимость, а тем самым и субстанция этих форм дохода» [8, т. 25, ч. 2, с. 383]. С этой точки зрения, участники таких процессов ничего иного и не делают, как только в привычных им категориях отображают, как им кажется, «реальное положение дел». Именно так характеризуется вульгарная политэкономия: «Вульгарная политическая экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства» [8, т. 25, ч. 2, с. 384]. Однако в чем же раскроется иррациональный смысл таких доктринерских представлений?

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Об иррациональности простого теоретического отображения такой реальности Маркс начинает говорить, переходя к указанию на то, что оно ведет к соизмерению в принципе несоизмеримого и выражению невыразимого – одного через другое – в случаях, когда такое, с его точки зрения, невозможно: «...Она (вульгарная политэкономия. – Авт.) нисколько не понимает, что триединство, из которого она исходит, земля-рента, капитал-процент, труд-заработная плата, или цена труда есть *prima facie* три невозможных компонента... Если под капиталом понимается определенная сумма стоимости, самостоятельно представленная в деньгах, то *prima facie*, является бессмыслицей то, что стоимость есть большая стоимость, чем она стоит. Как раз в формуле «капитал-процент» отпадает всякое опосредствование и капитал сводится к своей самой общей, но потому и не объяснимой из себя самой и абсурдной формуле» [8, Там же].

Чисто внешне такие попытки выразить невыразимое и соизмерять несоизмеримое проявляются в противоречиях: конечные выводы и следствия приходят в неразрешимое противоречие с исходными определениями понятий и категорий. По мнению Маркса, наглядным примером является стремление вульгарной экономики искать «спасения от капитала как стоимости в вещественной субстанции капитала» [8, т. 25, ч. 2]. Вновь и вновь он подчеркивает такое толкование иррациональности:

«Может показаться, что по крайней мере в формуле «труд - заработная плата» выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в формуле «земля – земельная рента», поскольку труд образует стоимость и представлен в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наемного труда, он не образует стоимости. Вообще уже раньше было показано, что заработная плата или цена труда есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы и определенные общественные условия, при которых продается эта рабочая сила, не имеют никакого отношения к труду, как к всеобщему фактору производства» [8, т. 25, ч. 2, с. 390].

В одном из писем к Энгельсу он повторяет как заклинание свой вывод: «Здесь обнаруживается, на чем основывается характер представлений флиштера и вульгарного экономиста, а именно на том, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная форма проявления отношений, а не их внутренняя связь. Если бы, впрочем, имело место последнее, то зачем вообще была бы тогда наука?» [8, т. 31, с. 266].

Характер представлений не устраивает Маркса по причине того, что они ведут в содержательном смысле к фетишизму (вещи наделяются сверхъестественными свойствами обще-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ственных отношений) и овеществлению общественных отношений, а с точки зрения формы – к противоречиям, взрывающим логическую систему понятий изнутри.

Однако иррациональность в этой логике проистекает от того, в сущности, что происходит не просто соизмерение несоизмеримого, – это лишь «слепок» с реальности («как она есть»); дело в том, что остановка обычного, рассудочного сознания на фиксации этой реальности является основой более глубокого следствия – фактически неконтролируемого, стихийно навязываемого субъекту познания и действия способа воззрения и представления, который берется как данность. Именно на этом настаивает Маркс, говоря о том, что фиксация данности овеществления и фетишизации есть исходный пункт последующего анализа, который должен пробиться к сущности через «скорлупу» явлений.

Указывая на объективный характер превращенных связей и отношений, необходимо дополняющихся превратными представлениями, он подводит к мысли, что общественные отношения являются, в сущности, ничем иным, как некими устоявшимися схематизмами деятельности людей (способами, приемами, нормами, правилами ее осуществления). Поэтому воспринимать их чисто «доктринерски», то есть некритически воспроизводя их в той или иной системе понятий, не докапываясь до того – почему они именно таковы, является основанием

второго свойства иррациональности: воспроизводства неконтролируемого способа, формы деятельности. В рамках такого способа жизнедеятельности общества (общественного отношения) пусть происходит ежедневное, ежечасное сопоставление несопоставимого, соизмерение несоизмеримого, но если все это воспринимается как «само собой разумеющееся» и не требующее критического пересмотра, то тогда это есть иррациональность как неконтролируемое воспроизведение способа или формы деятельности со стороны субъекта ее.

Идея рациональности как контролируемости своей деятельности сознающим субъектом глубоко свойственна классической европейской философии и гуманистической традиции в целом. Маркс и Энгельс эти глубинные устои классики усвоили еще в молодости и в самом общем виде формулировали в своих ранних работах, до своего самоопределения в качестве идеологов научного социализма. Тогда еще возникла мысль о связи задачи демистификации познания и достижения подлинной свободы человеком с установлением сознательного контроля людей над способом их общественной жизни: «Строй, создаваемый коммунизмом, является как раз таким действительным базисом, который исключает все то, что существует независимо от индивидов, поскольку существующий строй есть не что иное, как продукт существовавшего до сих пор объединения между

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

самими индивидами (*курсив наш* – Авт. [8, т. 3, с. 71]).

Помимо указанной здесь связи рационализации общественной жизни с коммунистической революцией, подчеркнем идею о том, что коммунистическая революция должна установить господство человека (индивидов) над строем (способом) объединения людей в общество. Позднее она будет неоднократно воспроизводиться в других работах. Энгельс в «Анти-Дюринге» вернется к общей характеристике этой идеи, которую вполне можно было бы назвать идеей коммунистической рациональности: «Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь попадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоящие им до сих пор как чуждые господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут

вполне сознательно творить свою историю сами, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают» [8, т. 20, с. 295].

Резюмируя итоги рассмотрения наиболее рельефно выявившихся сторон воззрений Маркса на проблему сущности и взаимоотношений рационального и иррационального, на наш взгляд, можно выделить следующее.

Прежде всего, марксизм поставил свои воззрения в предметную связь с классическим наследием, с основными идеями классической философии и культуры. Это отчетливо просматривается в том, что марксизм рациональность и разумность истолковывает в духе гуманистической традиции – как цель и средство переустройства человеческого общества, мерило и критерий прогресса (хотя разумность и рациональность наполнялись, разумеется, иным содержанием). В общем направлении просветительской идеологии прогрессизма человеческое общество оптимистически рассматривается в перспективе грядущего торжества свободы, обеспеченной мощью раскрытого разума человека, освобожденного наконец от пут мракобесия, фанатизма, фетишизма, невежества и других его вечных врагов.

Глубинная связь марксизма с классической философией в рассмотрении проблемы раци-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ональности прослеживается и в том, что рациональность понимается как сознательная контролируемость способа деятельности.

Разумно лишь то, что может быть проконтролировано самосознающим субъектом, прослежено во всех нюансах и отчетливо осознано. Более того, рациональность заключается в том, чтобы с помощью «естественного света» разума (самосознания) не просто проявить, сделать умозрительно очевидными все элементы рассматриваемого предмета, но и сделать явным, ухватить сам способ порождения предмета. Другими словами, речь идет о контролируемой воспроизводимости: субъект предметной деятельности овладевает способом ее, способом порождения предмета. В этих глубинных устремлениях классики марксизма находят свои первоначала (первоосновы) в истолковании рациональности.

Европейская традиция такого понимания места и роли субъекта познания и деятельности в мире глубоко фундирует идеологию Просвещения, всего Нового времени, их главные лозунги: «Знание – сила» (еще один смысл: «власть») (Knowledge itself Power), Cogito ergo sum, и т.п.). Смысл всепронизывающего методологизма классической европейской философии также становится понятным в свете исходного толкования рациональности, которая выступает сквозной смыслообразующей тенденцией, регулятивным принципом.

Связь марксизма с классическим наследием заключается и в том, что не утрачен оказался еще один смысл рациональности – соизмеримость. Представляется, что марксизм даже существенно актуализировал этот аспект понятия рационального, возникший в глубокой древности и противоположный понятию иррационального, то есть несоизмеримого. В этом плане марксизм перебрал «мостики» от математических исследований своего времени к философскому истолкованию соотношения рационального–иррационального.

Связь с классическими подходами, безусловно, может быть прослежена и в общем понимании места и роли разума (рациональности) в процессах преобразования как познавательной деятельности, так и социальной практики. Марксизм устами, как своих основателей, так и продолжателей (В.И. Ленин), подчеркивал свою неразрывную связь с рационалистической традицией, особенно в ее направленности против всех крайних форм агностицизма, религиозного идеализма, апеллирующего к откровению, мистическому озарению и т.п. [6, т. 23, с. 46]. Познание должно быть очищено, в соответствии с заветами Ф. Бэкона, от всех «идолов» и «призраков», только после этого оно может и должно обеспечить могущество человека.

Не меньшую роль, как известно, Просвещение отводит познавательной деятельности в деле переустройства челове-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ского общества и достижения всеобщего благополучия и счастья на земле: избавленные от предрассудков и заблуждений. Постигшие вечные законы природы, люди наконец-то смогут осуществить свободу, равенство, справедливость, покончить с невежеством, фанатизмом и суеверием, сеющим бедствия и страдания людей. И хотя Маркс и Энгельс никак не могли бы согласиться с тем, что осуществлено это может быть силой единственно разума и просвещения, – необходимую роль их в конечном преобразовании общества они подчеркивали. Ленин, говоря о том, что нужно отыскать в обществе социальную силу (класс), способную свергнуть старое общество и создать новое, как известно, утверждал необходимость сплочения и просвещения этой силы, внесения в нее элемента «сознательности», развития «разума масс». Таким образом, можно сделать вполне обоснованный вывод, что марксизм продолжает внутренне присущие новоевропейской культуре тенденции в истолковании и применении понятий рациональное и иррациональное.

Но марксизм развивается в контексте назревшего кризиса классических устоев европейской культуры и потому чутко уловил как «болевые» точки, так и «точки роста». Представление о разуме, рациональности и их противоположностях существенно пересматриваются в плане их содержания и места как в системе категорий философского знания, так и в реаль-

ной жизни.

Главное внимание было уделено демистификации и дефетишизации понятий разума, рациональности (и их противоположности): разум и рациональность признаются не как некие субстанции, а только как характеристики человеческой предметной (познавательной и практической) деятельности и вне ее не существуют в принципе. Никакого «Разума» вообще, который сам по себе (как гегелевская «Абсолютная идея») развивается, заблуждается (отчуждается), к себе самому возвращается и т.п., – быть не может. С этим пережитком рационалистического фетишизма должно быть покончено.

Так же, как и с представлениями о вечном и тем более неизменном характере разума и его законов. Эта характеристика человеческой предметной деятельности развивается вместе с ней и потому надо постоянно помнить об исторически преходящем характере человеческих представлений о том, что такое разум, рациональность. Отдельный разговор должен быть о том, что в понимании процесса развития не должно быть релятивизма и что взаимоотношение абсолютного и относительного имеет сложный характер.

Получило существенное продолжение и развитие представление о диалектической взаимосвязи противоположностей рационального и иррационального, разумного и неразумного. Великие уроки классики не могли быть обойдены и потому

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

представление об абсолютной противоположности этих категорий должно было быть выброшено как явно примитивное и устаревшее («мистерии, уводящие познание в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в практике», «идеализм есть чепуха для материализма грубого, метафизичного» и т.п.). Классическая немецкая философия с ее пристальным вниманием к проблеме соотношения рассудка и разума вплотную подошла к современному истолкованию этого аспекта проблемы рационального и иррационального. Этот последний занял, как мы видели выше, довольно важное место в критике различных форм «концептуализации» обыденных представлений агентов капиталистического производства у Маркса. Важно было то, что марксизм более «спокойно» взглянул на тот факт, что рациональность и иррациональность глубоко проникают друг в друга и это есть не игра распаленного или непроященного сознания и воображения, а так называемые «объективные мыслительные формы», слепки с фрагментов реальности, отколовшихся от целого и живущих самостоятельной жизнью. Более того, марксизм увязал две проблемы – сущности и явления и рационального и иррационального, тем самым произведя существенную конкретизацию (в ряде посредствующих понятий и категорий) содержания категорий рационального и иррационального.

В этом месте, на наш взгляд, стоит отметить несколько продуктивных аспектов, которые выделяют марксистский подход в сравнении с классической традицией.

Марксизм рассмотрел вопрос о рациональности как сознательной контролируемости и соизмеримости под углом зрения соотношения сущности и явления: почему оказывается невозможным сознательно контролировать познавательные процессы? Почему при попытке сделать это возникают противоречия, приводящие к явным нелепицам? В чем причина – в несовершенстве сознания или принципиальной непознаваемости самой реальности? Марксизм отбросил оба варианта как некорректные: дело в качествах реальности, частью которой является сознающий и познающий человек. В известном отношении, эта тенденция включать точку зрения объективного наблюдателя и точку зрения участника процесса при объяснении закономерностей реальности как важный элемент самого познавательного действия и выяснения того, почему дело представляется именно так, а не иначе, – эта тенденция предвосхищает современную научную практику. Марксизм обратил внимание на то, что характер познаваемой реальности существенно отличается от традиционной «вечной природы», бытия как такового, самого по себе и т.п., в сложных связях познаваемой реальности в качестве важных опосредствований, существенно влияющих на нее в

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

целом, выступают сами познающие субъекты, наделенные волей, желаниями, идеями, сознаниями. Концепция превращенных форм реальности и сознания у Маркса в «Капитале» представляет собой попытку вскрыть все элементы цепи опосредствования и показать характер наиболее важных звеньев ее, влияющих на познание сущности.

Однако остро поставленный вопрос о том, что правильное, рациональное представление о смысле и характере посредствующих звеньев возможно лишь с точки зрения сущности всего процесса, не облегчает нам решения задачи: а как же субъекту добраться до сущности, если она непосредственно ему не дана, да, к тому же, еще и чаще всего затемнена превращенными формами? Прямо скажем, что известные пояснения Маркса об особенностях его метода политической экономии, далеко не проясняют того, как же он приходит к сущностному воззрению на капиталистический способ производства, тогда как традиционные последователи трудовой теории стоимости погрязают в повседневных формах капитала, пытаясь с помощью локковской теории абстрагирования, выявить сущность, хотя, в конечном счете, и лежащую в их основе, но как раз существенно искаженную (вытесненную, замещенную, превращенную).

С этой же точки зрения только и можно понять то обстоятельство, что мы всегда оказываемся в двух возможных познава-

тельных позициях: в одной мы имеем возможность продвижения к познанию сущности, двигаясь через познание затемняющих и искажающих ее явлений, а в другой – возможность постижения сущности для нас закрыта и мы обречены на вращение в кругу «превращенных форм» заколдованного и на голову поставленного мира (который мы неизбежно примитивно рационализируем и в котором все «Объяснимо»). Маркс считает, что этот выбор познавательной позиции исходно предопределен социальной позицией познающего субъекта (субъект социально удовлетворен и потому он лишь рассудочно рационализует свои обыденные представления, не находя в них ничего противоречивого и противоестественного). То, что дело не в одних только заблуждениях и предрассудках сознания, существенно меняло объяснительные схемы гносеологии.

Социально-исторический характер познавательной деятельности как части культурно-исторической практики человечества наполняется марксизмом новым содержанием. Гегелевская идея о содержательности форм (познания) дополнительно обогащается идеей отложившихся слоев культурно-исторического творчества: каждая мыслительная форма (категория, метод, правило, схематизм мышления) есть продукт длительного социально-исторического развития, в «снятом» виде содержит предшествующие этапы и уровни. Подразумевается как бы скрытая, невидимая

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

глазу «археология» знания, архитектоника глубинных слоев опосредствовании, предшествовавших нынешнему состоянию. Идея, как известно, реализованная в нашем веке М. Фуко.

С точки зрения такой логики, бессмысленен вопрос о том, что важнее: рационализация познания с целью последующей рационализации практики и повседневной жизни общества или наоборот? Познание освобождается от своих «призраков» и «идолов» не путем изощрения эпистемологических процедур, шлифования методов и приемов работы с самосознанием (оттачивания мыслительных практик); это необходимый, но не достаточный элемент, - а путем погружения в материальную практику преобразования условий жизни и деятельности людей. Именно здесь может и должен развернуться последовательный процесс реальной критики (действием) всех мистификаций, уводящих сознание от реальности, проверка «на прочность» различных версий демистификации жизни и сознания. Сама по себе практика, «опыт», «факты», - как бы ни казались они обыденному сознанию прочными, «твердыми», в отличие от «зыбких» рассуждений и умозаключений разума, - также не могут быть матрицей рациональности[1].

Такой решительный уход от позиций как ползучего эмпиризма, догматически воспринимающего наличную данность (по мнению марксизма, всегда кишашую превращенными формами), так и рационализ-

ма, уповающего на некие надежные мыслительные процедуры и методы (по мнению марксизма, всегда применимые даже к самым диким и фантастическим идеям и ситуациям), - ставит немало весьма сложных вопросов. Если нет простых и однозначных критерием рациональности, какими ранее считались соответствие фактам наличной реальности, абстрактно-логическая правильность или интуитивная (самоочевидная) ясность, то как же, в таком случае, решается проблема соотношения рациональности и иррациональности? Может быть, здесь имеет место чистый произвол или сиюминутная конвенциональность (что, в сущности, означает одно и то же)? П. Фейерабенд, как известно, в своем «эпистемологическом анархизме» приходит к выводу о равноценности объяснительных схем мифа, религии и науки, борясь со всяческим «методологическим принуждением»[14,с.312]. Но, действительно ли, матрицей рациональности становится, как говорит Т. Кун, «научная парадигма», разделяемая значимым научным сообществом? [5]. Чисто внешне, на феноменологическом уровне истории науки как будто так оно было и есть: Фейерабенд на исторических примерах показал процедуру «выбраковки» научных гипотез и объяснительных схем. Однако что-то же, помимо следования косным правилам, установленным жреческой кастой ученых, мешает простоудушно разбавлять научные исследования

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

сколь угодно изощренной мифологией, несмотря на разгул сегодняшней «паранауки»?

Марксизм, наполнив социально-историческим содержанием познание и практику, должен был и содержание понятия «рациональность» сформулировать социально - исторически. Как это сделано в рассмотренных выше примерах: рациональность есть не просто *сознательный контроль* («ассоциированных индивидов») над способом (формой) своей предметной (практической и познавательной) деятельности, но *контроль над социально - исторически выработанной формой*. Важно было указывать какая именно исторически конкретная форма (способ) той или иной деятельности подвергается контролю, понимается ли это обстоятельство вообще.

Маркс пытается пристально вглядываться в формы, «предшествующие капиталистическому накоплению», чтобы исторически конкретно сформулировать рецепт рациональной демистификации капиталистического способа производства, преодоления различных фетишизированных, превращенных форм. В русле такого взгляда рождается его идея революционного переустройства общества – как в первоначальном гуманистическом варианте «Экономическо-философских рукописей 1857–1859гг.», так и в более позднем варианте в «Капитале». Разумеется, надо отчетливо представлять себе степень разработанности этих вариантов, с тем,

чтобы избегать поспешных заявлений о том, что Маркс или Энгельс «разрешили» проблему, раскрыли тайну и т.п., равно как и не замечать значительного влияния этих идей на современную философию.

В содержательном плане марксизм наметил еще одну важную взаимосвязь, применив для анализа иррационально превращенных форм понятия: отчуждение, овеществление, фетишизм. Иррациональное, прежде носившее чисто отрицательный характер простой (абстрактной) противоположности рациональному, стало приобретать собственный силуэт, собственное содержание. Конструктивный характер понятия иррациональное в «Капитале», где оно наполняется содержательными характеристиками (соизмерение несоизмеримого, овеществление отношений, превращение сущностных связей, спонтанность и деструктивность человеческой деятельности и т.п.), создает совершенно нетрадиционное восприятие этой категории после знакомства с употреблением ее в марксизме.

Иррациональное в таком смысле перестает носить характер пугала, а приобретает законный статус *соотносительной с рациональностью категории*, другими словами, выступает такой же характеристикой человеческой деятельности, как и рациональность – с точки зрения наличия или отсутствия контроля субъекта деятельности над способом ее, что подразумевает необходимость углубле-

Международная научно-практическая конференция ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

ния изучения ситуации с тем, чтобы понять, что здесь имеют место соизмеримость (несоизмеримость), выразимость (невыразимость) – как указатели на важный рубеж, где требуется переход к решению проблемы «однородности (однопорядковости) сущности». Иррациональность как отсутствие контроля над способом (формой) деятельности не есть нечто чисто негативное, пустое – оно переадресует нас в сферу спонтанности, деструктивности.

Иррациональность, как она используется в марксизме, – скорее, превращается в регулятивный принцип: она должна быть введена в самую процедуру рационально-контролируемого порождения предметного мира теоретического сознания как абсолютно необходимый элемент, некий «сторож», предостерегающий от путей, которые неизбежно приведут к мистификации действительных связей, фетишизации явлений реальности (наделение их несвойственными функциями: овеществление отношений людей и наделение вещей волей и стремлениями). Иррациональность как постоянное напоминание об ограниченности теоретического разума не в смысле его ущербности, недоброкачественности, а в смысле исходном, коренном, который он сам себе установил – наличия границ, пределов («определенность»). Теоретиче-

ский разум – это «определенное» мышление в формах, стремящихся четко отграничить себя друг от друга, в отличие от мифологем с широкими полями отождествлений, плавню перетекающих одна в другую. Рациональность, в свою очередь, лишенная мистифицирующего ее флера абсолютности и жесткой однозначной заданности, также проявляет свойство регулятивного принципа: принципа построения теоретического предметного мира. Рациональная деятельность сознательно-контролируемо устанавливает свои границы, в рамках которых она может позволить себе уверенно оперировать по определенным схемам, за пределами же этих границ, допущений, условий – запрещает продолжение прежних действий. Иррациональность чаще всего проявляется как следствие неотрефлексированного выхода за границы неявных допущений, посылок, по существу – неявного задания предмета.

К сожалению, в классическом марксизме, в конечном счете, осталась нереализованной возможность логически последовательной и исчерпывающей на тот момент разработки данной фундаментальной философской проблемы, для которой основоположники его, тем не менее, оставили нам значительные теоретико-методологические достижения.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Библиографический список

1. Амин Самир. Вирус либерализма// http://marxsexxx.com/lit/samir-amin-liberal_virus.html #06.
2. Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. – М., 1988.
3. Иглтон Терри. Почему Маркс был прав. – М., Карьера Пресс, 2015.
4. Касавин И.Т., Сокулер З.А. Рациональность в познании и практике. Крит. очерк. – М., 1989.
5. Кун Т. Структура научных революций. – М., 1972.
6. Ленин В.И. Полн.собр.соч. 5-е изд. В 55 тт.
7. Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах К. Маркса. Как я понимаю философию. – М., 1992.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.
9. Марксизм и Россия. Екатеринбург, 1990.
10. Патнем Х. Разум, истина и история / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева. – М.: Издательство Праксис, 2002. – 296 с.
11. Рациональность // Новая философская энциклопедия: в 4 тт. – М.: Мысль.
12. Рациональность как предмет философского исследования. Ответственные редакторы: канд. филос. наук Б.И. Пружинин, докт. филос. наук В.С. Швырев. – М., 1995.
13. Русаков В.М. Проблема рационального и иррационального в деятельности. От классического марксизма к современности. Диссертация доктора филос. наук. – Екатеринбург, 1998.
14. Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Избранные труды по методологии науки. – М., 1986.
15. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. – «Вопросы философии», 1992, № 6.
16. Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. – М., 1978.

**Международная научно-практическая конференция
ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

References

1. Amin Samir. *Virus liberalizma*. [The Liberalism Virus], http://marxsexxx.com/lit/samir-amin-liberal_virus.html #06.
2. Avtonomova N.S. *Rassudok, razum, ratsional'nost'*. [Reason, reason, rationality]. Moscow, 1988.
3. Iglton Terri. *Pochemu Marks byl prav*. [Why Marx was right]. Moscow, 2015.
4. Kasavin I.T., Sokuler Z.A. *Ratsional'nost' v poznanii i praktike*. [Rationality in cognition and practice]. Moscow, 1989.
5. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. [Structure of scientific revolutions]. Moscow, 1972.
6. Lenin V.I. *Poln.sobr.soch.* [Full composition of writings]. 5.th ed. V 55, Moscow.
7. Mamardashvili M.K. *Analiz soznaniya v rabotakh K. Marksa. Kak ya ponimayu filosofiyu*. [Analysis of consciousness in the works of K. Marx. As I understand philosophy]. Moscow, 1992.
8. Marks K., Engel's F. *Soch.* [Compositions]. 2nd ed.
9. *Marksizm i Rossiya*. [Marxism and Russia]. Ekaterinburg, 1990.
10. Patnem Kh. *Razum, istina i istoriya*. [Reason, truth and history]. Moscow, 2002. 296 p.
11. *Ratsional'nost'*. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*. [Rationality New Philosophical Encyclopedia]. v 4 tt. Moscow.
12. *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniya*. [Rationality as a matter of philosophical inquiry]. Moscow, 1995.
13. Rusakov V.M. *Problema ratsional'nogo i irratsional'nogo v deyatel'nosti. Ot klassicheskogo marksizma k sovremennosti*. [The problem of rational and irrational in activity. From classical Marxism to modernity]. Dissertatsiya doktora filos. nauk. Ekaterinburg, 1998.
14. Feyerabend P. *Protiv metodologicheskogo prinuzhdeniya. Izbrannye trudy po metodologii nauki*. [Against methodological coercion. Selected works on the methodology of science]. Moscow, 1986.
15. Shvyrev V.S. *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury*. [Rationality as the value of culture]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1992, 6.
16. Shvyrev V.S. *Teoreticheskoe i empiricheskoe v nauchnom poznanii*. [Theoretical and empirical in scientific knowledge]. Moscow, 1978.